

А. И. ЕРЁМЕНКО

Сталинград. Записки командующего фронтом

Глава II. Первые шаги в Сталинграде

Ранним утром 4 августа (1942 г. — *Сост.*), еще до восхода солнца, серебристый «Дуглас» вырулил, поднимая тучи пыли, к старту, яростно взревел моторами и, пробежав по бетонной дорожке центрального аэродрома, взмыл в ясную голубизну московского неба. Его курс лежал на юго-восток, к городу, который дорог теперь всем честным людям на земле, — к Сталинграду.

Пассажиров было человек десять, в большинстве командиры, назначенные в штаб вновь создаваемого фронта. <...>

Сделав круг над северной частью города, наш самолет пошел к центральному аэродрому на посадку.

Хотя раньше в Сталинграде я не бывал, город показался мне давно знакомым, родным, и не только потому, что я тщательно изучил его по картам, планам, рассказам очевидцев и описаниям в справочниках и книгах, но главным образом, по-видимому, потому, что в течение последних дней я мысленно жил жизнью этого города, заботами и нуждами его граждан и войск.

Солнце стояло еще высоко, когда мы вышли из кабины самолета. Поблагодарив летчиков за удачный перелет, я на автомашине Н. С. Хрущева отправился к нему на квартиру. Быстро промчались мы по улицам города от северной окраины к центру.

Труженики города как в незабываемую эпоху гражданской войны, так и в годы социалистических пятилеток с невиданной самоотверженностью боролись здесь за победу своего правого дела. Сейчас население города и прилегающих районов вновь грудью встало на борьбу против жестокого врага, угрожавшего самому существованию социалистической державы; большинство жителей города трудились на возведении оборонительных сооружений на сталинградских обводах.

Товарищ Хрущев жил в центре города вместе с тогдашним командующим войсками Сталинградского фронта генерал-лей-

тенантом В. Н. Гордовым. Здесь и произошла наша встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым, которого я знал ранее лишь по его необычайно плодотворной работе в Москве и на Украине, видел много раз, но лично не был с ним знаком. Никита Сергеевич в свою очередь знал меня лишь понаслышке.

Войдя в дом, я сразу же встретился с Никитой Сергеевичем. Мы познакомились, обменявшись обычными в таких случаях приветствиями и фразами о здоровье; Никита Сергеевич указал отведенную мне комнату, куда я и прошел. Это была небольшая комната; в ней кровать, два стула, раскладной стол, стоявший в углу. Не успел я войти, как резко загудел зуммер полевого телефона на столе. Подняв трубку, по привычке ответил: «Первый слушает», — то был мой позывной в 4-й ударной армии. Проверяли линию.

На столе лежала карта с обстановкой под Сталинградом по состоянию на вчерашний день. Наскоро умывшись, я сразу же взялся за нее; ее данные были, конечно, более свежими, чем те, с которыми я ознакомился в Генеральном штабе. За этим занятием и застал меня Никита Сергеевич, зашедший ко мне через несколько минут.

Никита Сергеевич незадолго до моего приезда возвратился из поездки по войскам. Вместе с товарищем Гордовым они были в районе города Калач на участках 64-й и 62-й армий, где, начиная с конца июля, шли особенно напряженные бои.

Наша беседа сразу же, естественно, сосредоточилась на положении, сложившемся на фронте. Никита Сергеевич кратко, но с глубоким знанием действительной обстановки рассказал о поездке, о тяжелом положении, создавшемся на участках обеих армий. Он подчеркнул:

— Положение на участках 62-й и 64-й армий требует форсировать оборонительное строительство с максимальной энергией. Противник нас теснит, а причина этого, к сожалению, не только в превосходстве его сил, но и в недостаточной организованности среди части наших войск, в неумении отдельных командиров и политработников привить каждому солдату упорство и стойкость в бою. Не все обстоит благополучно и в отношении руководства войсками со стороны командования фронтом, я имею в виду товарища Гордова. Полагаю, что эти недостатки нам удастся изжить в самое ближайшее время. Уверен, что в Сталинграде мы расквитаемся с фашистами за Харьков и Крым.

С первого взгляда Н. С. Хрущев показался мне утомленным, усталым, но озабоченность, взволнованность, с которыми он вел беседу, говорили о другом, о том, что он полон энергии: его голос, жесты были исполнены бодрости и решительности. Рабочая простота, душевность сразу же располагали к нему собеседника. Он производил впечатление человека одаренного, человека большого

ума, который знает что-то такое, особенно важное, что дает ему возможность решать самые трудные задачи.

Никита Сергеевич сказал, что ему вчера позвонили из Москвы и сообщили о цели моего приезда.

— Но пока об этом ничего определенного я никому не говорил, — добавил он. — Правда, штаб сейчас готовит необходимые материалы для осуществления организационных мероприятий, анализирует и обобщает обстановку на всех участках фронта, обрабатывает данные разведки о силах противника и его намерениях.

Я с удовольствием принял приглашение Никиты Сергеевича к чаю, сделанное им в заключение.

За столом завязалась оживленная беседа, главным в которой оставалось положение на участках 62-й и 64-й армий; делились свежими впечатлениями о поездке в Калач. Помня замечание Никиты Сергеевича, я внимательно прислушивался к товарищу Гордову, у которого, как мне показалось, в результате этой поездки поколебалась уверенность в возможности остановить наступление противника; некоторая растерянность и нервозность в его поведении насторожили меня. Его дальнейшее поведение удивило меня еще больше. Бегло ознакомившись с привезенной мной директивой о разделении фронтов¹, он молча возвратил ее и, сославшись на усталость, ушел к себе. Он даже не спросил, какая помощь потребуется с его стороны для осуществления очень большого срочного организационного мероприятия.

На командном пункте фронта я считал целесообразным поделиться с Никитой Сергеевичем своим первым впечатлением от знакомства с Гордовым. Выслушав меня, товарищ Хрущев ответил, что пока еще мало знает Гордова, но стиль его работы и отношение к людям оставляют желать лучшего. В свете последних событий на фронте проявилась и недостаточность его опыта и знаний для командования крупными оперативными объединениями в сложных условиях войны.

Командный пункт, где была оперативная группа и узел связи, размещался в подземелье, вырытом в виде штольни, вблизи от дома, в котором мы жили. Вход в нее находился со стороны русла Царицы. В штольне, приготовленной под командный пункт заранее, свободно размещались главные узлы управления штаба фронта. Все это сооружение было устроено в виде буквы «П» и имело два выхода, оба в сторону реки Царицы. К подземному сооружению имелось также два подхода; один из них — пеший — шел прямо от домика, где находились мы, и представлял собой многоколенчатую деревянную лестницу, примерно с двумя сотнями ступеней, укрепленную на почти отвесном скате оврага; второй, служивший

подъездом, вел кружным путем, начинаясь там, где более пологие берега оврага позволяли постепенно свернуть к ровному и широкому дну этой громадной балки. Так как с больной ногой трудно было преодолеть почти отвесную дорогу, я воспользовался машиной, а Никита Сергеевич спустился по лестнице.

Никита Сергеевич, несмотря на усталость (поездка в Калач была сопряжена с большими трудностями), до глубокой ночи работала в штабе и в политуправлении над разрешением вопросов, связанных с подготовкой к разделению фронтов.

Придя на командный пункт, я прежде всего заслушал доклад начальника штаба генерал-майора Д. Н. Никишева об обстановке на фронте, на что получил разрешение от Гордова еще на квартире.

Доклад товарища Никишева ввел меня в курс дела, хотя не во всех вопросах он был достаточно конкретен, что следовало отнести за счет недостаточно четкой работы нашей разведки. <...>

Доклад товарища Никишева насторожил меня, поскольку в нем были высказаны неприемлемые наметки действий, заключающиеся в том, чтобы значительно усилить правофланговую армию и с ее помощью нанести фланговый удар по войскам противника, наседавшим на 62-ю и 4-ю танковую армии, и тем самым помочь им удержать занимаемый рубеж. Идея этого намерения на первый взгляд была хорошей, но при складывавшейся обстановке попытки осуществить его могли сыграть на руку врагу.

Подобный замысел мог быть осуществлен с успехом лишь в том случае, если бы мы располагали свободными оперативными резервами и временем; мы же не имели ни того, ни другого. В сложившихся условиях для реализации этого замысла пришлось бы снимать войска и средства усиления с направления главного удара противника.

По изложенному замыслу действий я, как завтрашний сосед Сталинградского фронта с юга, высказал свои замечания. Суть их сводилась к следующему.

Планы маневра на север и удара оттуда по противнику через переправы на реке Дон были чреваты двумя весьма опасными последствиями:

а) активные действия авиации при ее подавляющем господстве могли сковать действия войск, наносивших контрудар, или даже обескровить их, и тогда, естественно, 62-я и 4-я танковая армии не получили бы никакой помощи при ослаблении войск, оборонявшихся на направлении главного удара противника;

б) при нанесении врагом удара в ближайšie дни, в чем не было особых сомнений (если иметь в виду активность гитлеровцев в районе Калача), противник, находившийся в 100 км от Сталинграда, упредил бы контрудар с севера и прорвал бы нашу оборону

ранее, чем северная группировка, находившаяся в 120–130 км от Сталинграда, смогла бы что-либо предпринять.

Сделав эти замечания, я, к своему удивлению, узнал, что автором критикуемых мною соображений является командующий фронтом генерал Гордов. Хуже всего было то, что его намерения уже были частично осуществлены. Теперь мне стало понятным, почему Никита Сергеевич говорил о недостаточности опыта у командующего Сталинградским фронтом.

Будучи уверен в том, что попытка исполнить этот замысел в данной момент нанесет большой ущерб делу обороны Сталинграда, я попросил начальника штаба доложить мое мнение товарищу Гордову, подчеркнув, что активность сейчас нам нужна на главном направлении удара врага.

Товарищ Никишев обещал доложить своему командующему мое мнение и поддержать его.

Несмотря на хорошо устроенную вентиляцию, на командном пункте дышалось все-таки тяжело. Намереваясь освежиться на воздухе, я вышел из помещения. Хотя солнце уже давно зашло, было душно; при полном безветрии термометр показывал +35°. У подошвы обрыва вился небольшой ручеек, который назывался Царицей. В крутых берегах этого ручья (речушки) и в прилегающих к нему районах размещался штаб Сталинградского фронта. Штаб вновь образовавшегося Юго-Восточного фронта в ходе его формирования предполагалось разместить в южной части Сталинграда с центром в здании одной из школ.

Возвратившись в домик, я встретился с ожидавшими меня товарищами из обкома партии и облисполкома.

В моей комнате сидел секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов с несколькими товарищами из обкома и облисполкома. Положение Сталинграда с каждым днем становилось все более напряженным. Враг приближался к городу. Товарищи хотели из первых рук узнать о решении ГОКО, касающемся Сталинграда, с тем чтобы соответственно строить свою работу, носившую теперь более военный, чем гражданский характер в связи с переводом заводов и фабрик на рельсы военного производства, а в последнее время и в связи с создавшейся угрозой военного нападения непосредственно на Сталинград, где у нас находились большие запасы военного сырья и полуфабрикатов. Я рассказал товарищам коротко о том, какое значение придает Центральный Комитет событиям под Сталинградом. Подробно остановился на создавшейся обстановке. Поделился с ними также опытом, накопленным мною за истекший период войны, подчеркнув, что войска стойко будут защищать город. Сейчас главное — в укреплении обороны города. Это

в данной обстановке является первоочередной задачей. Секретарь обкома сказал, что все силы и средства мобилизуются на защиту города. Продолжается возведение в нем и вокруг него укреплений, однако следовало бы подготовить некоторые объекты к эвакуации из города. Я ответил, что если мы начнем эвакуацию Сталинграда, то это может быть истолковано как решение оставить город, а нам следует приготовиться к самым ожесточенным и длительным боям. Кое-что, конечно, придется вывезти из города, но не в порядке эвакуации заводов и фабрик, а в порядке удаления того, что будет мешать боевым действиям; это — детские учреждения, многодетные семьи рабочих и служащих, которые необходимо перевезти за Волгу. Подобная мера улучшит положение в городе и сократит наши потери при бомбежках. Ведь Сталинград сейчас находится уже в зоне большого сражения. Кто-то из присутствующих заверил, что сейчас население работает с полным напряжением сил, комитет местной обороны, областные и городские органы власти создали на заводах дружины и отряды из рабочих, усиливаются пожарные команды и, главное, на заводах возрос выпуск военной продукции.

Беседа наша подходила к концу, когда в комнату вошел только что вернувшийся из штаба фронта Никита Сергеевич Хрущев.

Узнав о содержании нашей беседы, он твердо заявил: «Сталинград не будет сдан: таково решение Партии, таков приказ Ставки, нужно всемерно усиливать мобилизацию всех сил на помощь фронту, на укрепление города и прилегающих к нему районов».

Товарищи прошли в комнату Никиты Сергеевича, чтобы решить текущие вопросы.

Я был очень доволен, что сразу же установился тесный контакт с руководителями Сталинградской партийной организации. Надо сказать, что местные партийные и советские органы под руководством Сталинградского областного и городского комитетов ВКП(б) совместно с Военным советом фронта, прежде всего с товарищем Н. С. Хрущевым, на протяжении всей битвы проводили широкую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу, поднимая население на укрепление города, на упорный труд на заводах и фабриках. <...>

Глава IV. Руководство войсками двух фронтов

13 августа, поздно вечером, было получено по Бодо² распоряжение Ставки, в котором говорилось, что командующий Юго-Восточным фронтом назначается и командующим Сталинградским фронтом (по совместительству), а товарищ Хрущев Никита Сергеевич назначается членом Военного совета обоих фронтов. В связи

с этим назначением, естественно, увеличился круг обязанностей и объем работы командования, поэтому товарищ Ф. И. Голиков был назначен заместителем командующего по Юго-Восточному фронту, а командующим 1-й гвардейской армией стал генерал-майор К. С. Москаленко. Одновременно начальником гарнизона города Сталинграда был назначен командир 10-й дивизии полковник А. А. Сараев, непосредственно подчинявшийся командованию Юго-Восточного фронта, заместителем командующего по Сталинградскому фронту был назначен генерал-лейтенант Гордов.

В ночь на 14 августа я отправился в штаб Сталинградского фронта, чтобы детально ознакомиться с положением войск, и в первую очередь с группировкой сил и средств. Основные средства усиления Сталинградского фронта были сосредоточены на правом крыле, на участке 21-й армии за рекой Дон, восточнее Серафимовича. Там находились два полка артиллерии резерва Главного командования, два отдельных танковых батальона, каждый из которых равнялся танковой бригаде, минометные гвардейские полки и несколько истребительно-противотанковых полков, т. е. основные средства борьбы против танков. Противник наседал на 62-ю армию и готовился нанести удар по частям генерала В. Д. Крюченкина (4-я танковая армия), с тем чтобы выйти к реке Дон, в самую восточную часть его излучины. При этом переход противника в наступление с участка, где он сосредоточился, был вероятен уже завтра, т. е. 15 августа. Сдержать его здесь было почти нечем. О реальном положении дел мы с Никитой Сергеевичем немедленно доложили Ставке. Одновременно отдали распоряжение о спешной перегруппировке войск, которая и началась немедленно. На перегруппировку требовалось минимум 30–40 часов времени. Но даст ли нам противник эти часы? Поскольку удар мог последовать незамедлительно, было отдано распоряжение о снятии нескольких соединений и с Юго-Восточного фронта, чтобы усилить состав наших войск на угрожаемом участке. Противник действительно не дал нам и 12 часов времени, начав свое наступление на рассвете 15 августа против войск 4-й танковой армии, и нанес удар в направлении Трехостровская.

Части, перебрасывавшиеся с правого крыла Сталинградского фронта в новые районы, с ходу вступали в бой и отражали удары противника. Большинство же из них даже при невероятном напряжении не успели прибыть вовремя. Не смогли также полностью прибыть и части, выслобожденные с Юго-Восточного фронта.

Противник имел огромное превосходство в танках, артиллерии и авиации. Последняя ни на минуту не покидала поле боя и непрерывно бомбила наши боевые порядки. Это позволило гитлеровцам к исходу дня 15 августа выйти к Дону на большом

участке — от Трехостровской до Большенабатовского. Тем самым они решили свою ближайшую задачу, которая состояла, как это теперь стало совершенно ясно, в занятии исходного положения для форсирования реки Дон. Чтобы спасти здесь положение, чтобы локализовать успех противника, который непрерывно накапливал свои силы, пришлось взять с Юго-Восточного фронта пять истребительно-противотанковых полков, три стрелковые дивизии, две бригады и сто танков.

В результате боев с 15 по 17 августа войска 4-й танковой армии своим левым флангом отошли к рубежу Дона на внешний оборонительный обвод. Правее танковой армии вступили в сражение три дивизии 1-й гвардейской армии под командованием генерал-майора К. С. Москаленко, ранее переданной из резерва Ставки в Юго-Восточный фронт. Войска 1-й гвардейской армии и другие части, выдвинутые сюда с Юго-Восточного фронта, остановили наступление противника на своем участке, сохранив за собой плацдарм на правом берегу Дона.

К. С. Москаленко, возглавлявший 1-ю танковую, а затем 1-ю гвардейскую армию, успешно руководил войсками в крайне трудных условиях первых этапов битвы, когда войска армий, не успев закончить сосредоточения, вынуждены были вступить в неравные ожесточенные бои с противником. Командирская воля, решительность, личный героизм командующего не раз играли важную роль в деле выполнения боевых задач, поставленных перед войсками.

Руководство двумя фронтами, особенно в начальный период, требовало огромного напряжения сил, так как объем работы был весьма велик. В управлении войсками создалось необычайное положение. При одном командующем и одном члене Военного совета состояли два равнозначных штаба, два очень крупных фронтовых управления. Это сильно осложняло всю систему руководства войсками.

Если командование направлением или группой фронтов обычно осуществлялось через сравнительно небольшой штаб, представляющий собой оперативную группу квалифицированных генштабистов, то при сложившихся обстоятельствах руководить приходилось через два параллельно действующих штаба. Не говоря уже ни о чем другом, даже технически осуществление функций руководства войсками требовало вдвое больше времени.

Приказы, директивы, распоряжения, как правило, издавались в двух вариантах (для одного и другого фронта), будучи подготовлены двумя разными штабами. Приходилось заслушивать двух начальников штабов, двух начальников разведывательных отделов, двух артиллеристов, двух танкистов, двух командующих ВВС, двух инженеров, двух заместителей по тылу. Одних только заместителей

по двум фронтам набиралось до двенадцати человек. А ведь нам нужно было не только выслушать каждого, а и дать указания, контролировать их исполнение. Ясно, что все эти распоряжения, указания могли быть исчерпывающими только в том случае, если в основе их лежало точное знание в любой момент всех данных о каждом соединении, начиная от морального состояния его личного состава и кончая наличием и состоянием техники, оружия, боепитания и т. п., точное знание данных о противнике. Стремление быть всегда в курсе всех вопросов, касающихся обоих фронтов, вынуждало нас с Никитой Сергеевичем напрягать всю энергию и, не считаясь ни с чем, ни на минуту не упускать живой связи с войсками. При всем этом нельзя было допустить, чтобы наша личная работа в какой-либо степени сдерживала или замедляла осуществление принятых решений и подготовку новых мероприятий. В тех условиях было крайне необходимо, чтобы деятельность члена Военного совета и командующего активизировала подчиненных, будила их инициативу, не давала им возможности самоуспокаиваться.

Сейчас трудно представить весь объем работы, которую в тот период приходилось ежедневно выполнять. Конечно, это был исключительный случай; в прошлом такое положение не имело прецедента. Несомненно легче управлять восемью — десятью армиями, объединенными в одном фронте, чем семью армиями, разделенными между двумя фронтами.

Нам — Военному совету двух фронтов — на первых порах командования неопределимую услугу в управлении войсками оказало то, что Никита Сергеевич Хрущев, находясь под Сталинградом с начала битвы, лучше всех знал войска и командно-политический состав. Нужно к этому добавить, что кипучая энергия Никиты Сергеевича, его умение работать с людьми и правильно отмечать положительные стороны и недостатки в работе, его высокая партийность в делах и во всем были хорошим примером для нас всех. <...>

Глава V. 23 августа 1942 года

Утром 23 августа мне доложили, что войска вражеской группировки, сосредоточенные на левом берегу Дона, перешли в наступление и наносят главный удар в стык наших 4-й танковой и 62-й армий. В ближайшие часы выяснилось, что гитлеровцы развивали наступление в общем направлении Вертячий, разъезд «564 км», Рынок. Мощный удар вражеских войск сопровождался чудовищными ударами авиации и артиллерии. <...>

В одиннадцатом часу на КП прибыл товарищ Хрущев, с утра находившийся в войсках.

— Что нового? — озабоченным тоном обратился ко мне Никита Сергеевич.

— Новости неважные: крупные колонны танков и мотопехоты на подходе к городу, — и я показал ему карту обстановки (по данным к 10 часам утра), обратив внимание на участок северо-западнее города.

— Да, — обеспокоенно сказал Никита Сергеевич, — очень неприятные данные. Что же будем делать, чтобы не допустить противника в Сталинград?

Я коротко рассказал о принятых мерах. Товарищ Хрушев, отозвавшись одобрительно о них, добавил, что все партийные организации, все рабочие, все трудящиеся Сталинграда готовы непосредственно защищать родной город и что необходимо немедленно поставить им конкретные задачи.

Чувствовалась общая взволнованность: ведь речь шла о судьбе Сталинграда и, возможно, о дальнейших перспективах всей кампании 1942 года.

Огромным напряжением воли я заставил себя сохранить полное спокойствие, помня, что в подобных случаях поведение командующего имеет серьезное значение. Создалось действительно очень тяжелое положение. В городе ведь почти не было войск, опасность его захвата была исключительно велика.

Нашу короткую беседу неожиданно прервал телефонный звонок.

— Между станцией Котлубань и разъездом Конный, — докладывал начальник военных сообщений фронта генерал-майор А. А. Коршунов, — танки противника разбили наш эшелон с боеприпасами, продовольствием и пополнением. Вражеские танки движутся на Сталинград. Что нам делать?

— Нести службу, — несколько резко ответил я. — Покончить с паникой.

Резкость моя объяснялась тем, что Коршунов докладывал упавшим, растерянным голосом. <...>

В этот тяжелейший для Сталинграда день нельзя было оставлять командный пункт, но мы с Никитой Сергеевичем все же несколько раз выходили наружу, чтобы увидеть своими глазами происходящее вокруг. Нашему взору открылась картина, которая не укладывалась в сознании.

Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас как тяжелый кошмар. Бесперывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные столбы пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горячей нефти и бензина

устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы. Здания ватной фабрики, расположенные против командного пункта, были объаты пламенем и клубами дыма; многие из них рухнули, изуродованные скелеты других страшно дымились; служивший квартирой Никите Сергеевичу домик, в котором я бывал в первые дни моего пребывания в городе, взлетел на воздух.

Вся сталинградская земля как-то взъерошилась и почернела. Казалось, чудовищный ураган ворвался в этот город, поднял его на воздух и обрушил осколки зданий на площади и улицы. Воздух сделался горячим, едким, горьким. Дышать было очень трудно.

Стоял невообразимый шум, надрывавший слух адской дисгармонией самых разнообразных звуков. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушащихся построек, потрескиванием бушевавшего огня. В этом хаосе звуков отчетливо выделялись стоны и проклятия гибнущих, плач и призывы о помощи детей, рыдания женщин. Сердце сжималось от сострадания к невинным жертвам фашистского людоедства, ум не мирился с невозможностью предотвратить мучения сотен мирных людей, особенно детей.

Многие погибли в этот тяжелый день, навечно оставив в сердцах людей светлую память о себе. <...>

Овладеть Сталинградом с ходу врагу не удалось. Он продвинулся лишь там, где в силу его огромного количественного превосходства ему удалось вывести из строя защитников того или иного участка обороны. Но на новых рубежах перед ним вставляли новые части и подразделения, и гитлеровцы вынуждены были буквально «прогрызать» нашу оборону, чтобы хоть немного продвинуться вперед. День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым, но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу не могут быть поколеблены ничем.

Это было результатом той малозаметной, простой и будничной работы, которую вела Коммунистическая партия с советскими людьми в мирные годы, которую сейчас изо дня в день вели наши командиры и политработники под руководством товарища Хрущева. В суровые дни великой битвы он возглавил могучую армию сталинградских коммунистов, явивших пример железной стойкости и бесстрашия в бою, энтузиазма и самоотверженности в труде.

К 9 часам вечера на командный пункт приехали секретарь Сталинградского обкома Чуянов, Малышев, здесь уже были товарищи Хрущев и Василевский.

Настроение у всех тяжелое. Городу нанесен огромный ущерб. Погибли плоды многолетнего вдохновенного труда десятков тысяч советских людей. Множество жертв среди мирного населения. Противник достиг немаловажного тактического успеха.

В это же время я вновь доложил Ставке по телефону о предварительных итогах дня. Верховный Главнокомандующий потребовал принять все меры для ликвидации прорвавшейся группировки противника. <...>

В 23 часа мы с начальниками штабов обоих фронтов рассмотрели данные для боевых донесений Ставке, направлявшихся в 24 часа ежедневно. В боевом донесении по Юго-Восточному фронту излагался ход напряженного боя в районе станции Тингута и разъезда «74 км». Этот документ почти ничего не говорил о происшедших в Сталинграде грозных событиях. При составлении же донесения по Сталинградскому фронту все мы вновь пережили страшные события истекшего дня. Теперь, когда все они были сведены вместе и излагались лаконичным языком оперативного документа, значение их, казалось, стало еще более отчетливым.

Содержание донесения, которое направлялось Ставке, сводилось к следующему.

Противник прорвал оборону Сталинградского фронта на его левом фланге в районе Вертячий, Песковатка и стремительным ударом на восток в районе Латашанка вышел к Волге, разрезав таким образом фронт на две части.

Наступающие вплотную подошли к северной окраине Сталинграда, где они были остановлены, и начали обстрел Сталинградского тракторного завода. Были перерезаны две железнодорожные линии, подходящие к Сталинграду с севера и северо-запада.

Таким образом, вместе с определенным тактическим успехом противнику удалось добиться серьезного нарушения наших коммуникаций: волжского водного пути, по которому шло снабжение горючим не только армии, но и страны, и железнодорожных линий, питавших войска обоих фронтов.

Зверская бомбардировка города, кроме непосредственных последствий, создала исключительно тяжелое положение для работы промышленных предприятий, затруднила как деятельность городских советских и партийных органов, так и работу штабов по руководству войсками.

В полночь мы с болью в сердце подписали это донесение Верховному Главнокомандованию. После этого к моему столу присели товарищи Хрущев, Василевский, Малышев и Чуянов. Мы обсудили положение, создавшееся в Сталинграде. В связи с резко изменившейся обстановкой на фронтах секретарь обкома поставил вопрос

о необходимости эвакуации некоторых промышленных предприятий за Волгу и о подготовке к взрыву ряда других. Обменявшись мнениями, решили позвонить в Ставку.

Сняв трубку прямого телефона, я доложил И. В. Сталину буквально следующее:

— Положение в Сталинграде тяжелое, о чем я уже донес вам. Нами принимаются все меры, чтобы отстоять Сталинград. Но у городского руководства, которое к нам обращалось, есть мнение о необходимости эвакуации ряда предприятий за Волгу и подготовки к взрыву ряда других. Мы с Никитой Сергеевичем этого мнения не разделяем.

Верховный Главнокомандующий ответил на это приблизительно так:

— Я не буду обсуждать этого вопроса. Следует понять, что если начнется эвакуация и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГОКО запрещает подготовку к взрыву предприятий и их эвакуацию.

Все собравшиеся поняли ответ И. В. Сталина без моих объяснений.

Сразу же после этого мы составили обращение: одно к войскам, другое к населению Сталинграда. В них было указано, что Государственный Комитет Оборона требует вернуть захваченную врагом узкую полосу сталинградской земли, окружить находящиеся здесь гитлеровцев и истребить их. С этой целью необходимо усилить контратаки на этом участке с тем, чтобы закрепиться вновь на внешнем сталинградском обводе. Документы подписали товарищ Хрущев и я.

Эти обращения помогли нам мобилизовать все силы на отпор наглому врагу. <...>

В дни, последовавшие за 23 августа, как говорилось уже выше, враг не прекращал мощных авиационных налетов на город и обстрел его окраин тяжелой артиллерией. Одной из существенных забот Военного совета в тесной связи с городскими партийными и советскими органами было обеспечение и в этих тяжелейших условиях бесперебойной работы сталинградских заводов по выпуску военной продукции и по ремонту поврежденной боевой техники, прежде всего танков и артиллерии.

Этой задаче много времени отдавал Н. С. Хрущев, часто бывавший на заводах. Об одной из таких поездок на тракторный завод мне более или менее подробно рассказал сопровождавший Н. С. Хрущева офицер для поручений.

Приехав на завод, Никита Сергеевич прошел в комнату, где обычно проводилась планёрка. Здесь находился главный инженер, главный технолог, начальники цехов, некоторые из мастеров.

Быстро вникнув в суть дела, Никита Сергеевич несколько раз выступил по ходу совещания. Он дал ряд советов по налаживанию производства в цехах, имевших повреждения, по организации противопожарной службы, созданию отрядов самообороны и т. п. Эти советы носили весьма конкретный характер, и после планёрки руководители завода благодарили Никиту Сергеевича, говоря, что он их не раз выручал своими ценными указаниями о выходе из, казалось бы, безвыходного положения. Затем Никита Сергеевич пошел по цехам, и главным образом по тем, где требовалась помощь. Его прибытие в сборочный цех помогло разрешить вопрос о быстром вывозе готовой продукции с территории завода. В то время когда Никита Сергеевич был на заводе, враг произвел по заводу сильный огневой налет, одновременно его авиация начала очередную серию бомбовых ударов по заводу и позициям наших войск, оборонявшихся севернее завода. Территория завода стала походить на поле битвы, то здесь, то там слышались ухающие взрывы снарядов и бомб, возникали пожары. Появились признаки растерянности, а кое-где и паники, особенно среди служащих заводоуправления, в большинстве женщин. Непокойно стало и в цехах, работа кое-где прекратилась. Частью и администрация несколько подрастерялась. Никита Сергеевич на ходу собрал коммунистов и поставил перед ними задачу ликвидировать всякие признаки паники, разъяснив им, что при оставлении рабочих мест опасность для их жизни не уменьшится, а от бесперебойной работы завода во многом зависит успех обороны города. Тут же Никита Сергеевич связался со мной, прося принять меры против ударов противника. Была дана команда нашей дальнебойной артиллерии и зенитчикам утихомирить врага. Исключительное спокойствие Никиты Сергеевича, деловые советы парткому, администрации и рабочим, оперативность и распорядительность так повлияли на коллектив и так выправили положение, что каждому стало понятно, что главная опасность в таких случаях — бездеятельность, ибо она порождает панику.

Человек, знающий свою задачу и понимающий ее важность, не поддается страху. Характерно, что в дальнейшем коммунисты тракторного завода и весь его коллектив ни разу не дрогнули, хотя враг не прекращал своих артиллерийских и авиационных налетов. Урок, полученный от члена Военного совета фронта, сыграл свою роль.

Глава VIII. Железная стойкость обороны

В этот сложный и тяжелый период боевых действий под Сталинградом (сентябрь 1942 г. — *Сост.*) выбыл командарм 62-й генерал-лейтенант Лопатин. Товарищ Лопатин в этой должности под Сталинградом провел почти полтора месяца самых напряженных боев. И если сейчас мы славим воинов 62-й армии, ее бойцов, офицеров и генералов, то нельзя забывать и товарища Лопатина; его заслуги несомненны.

После выбытия товарища Лопатина мы с Никитой Сергеевичем стали тщательно присматриваться к генералу Крылову, временно вступившему в командование армией. Сначала даже предполагалось просить Ставку оставить его командармом: будучи хорошим штабным работником, он бесспорно имел такие данные, которые позволили бы ему значительно вырасти в оперативно-боевом отношении и достойно занимать пост командующего. Однако нас удержало соображение, что такого начальника штаба, как Крылов, с его огромнейшим опытом борьбы в Одессе и Севастополе, подобрать в 62-ю армию будет очень трудно. Обстановка же в Сталинграде складывалась все сложнее и сложнее. Решили сохранить товарища Крылова на должности начальника штаба.

Пришлось заняться подбором кандидатуры на должность командующего армией. Среди многих командующих армиями, их заместителей, среди многих других генералов наше внимание привлек заместитель командующего 64-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Ему были свойственны многие положительные качества: решительность и твердость, смелость в решениях и большой оперативный кругозор, высокое чувство ответственности и сознание своего долга. По мирному времени товарищ Чуйков был нам хорошо известен. Кроме того, он находился недалеко и мог немедленно вступить в командование. Все эти соображения были немедленно (по ВЧ) доложены И. В. Сталину, мы просили назначить товарища Чуйкова командующим 62-й армией. И. В. Сталин, всегда относившийся к подбору кадров очень строго, спросил меня, достаточно ли хорошо я знаю товарища Чуйкова. Пришлось заверить Ставку, что товарищ Чуйков командованию фронта уже хорошо известен как военачальник, на которого вполне можно положиться, и что назначение его в данных условиях наиболее целесообразно. Товарищ Сталин согласился с нашим предложением.

Как только вопрос о назначении Чуйкова командармом был решен, я немедленно вызвал его из 64-й армии. Василий Иванович прибыл очень быстро.

Сейчас точно не помню, но, кажется, часов около 10 утра я шел в палатку позавтракать (наш командный пункт в это время находился в маленьком леске около деревни Ямы). На полпути меня остановил генерал Чуйков, спокойно доложивший добродушным голосом:

— Товарищ командующий, генерал-лейтенант Чуйков по вашему приказанию прибыл.

Поздоровавшись, я предложил ему позавтракать со мной, но он отказался, сказав, что уже перекусил у начальника штаба фронта генерала Захарова. Около часа беседовали мы, прогуливаясь около моей землянки и несколько раз останавливаясь, когда гитлеровские снаряды ложились рядом с командным пунктом. Беседа касалась как общих вопросов войны, так и характера борьбы на нашем фронте и ее особенностей, техники и ее применения, а также конкретного положения дел в 64-й армии.

«Прощупав» этой беседой взгляды товарища Чуйкова на перспективы войны и нашей борьбы под Сталинградом, я, к моему удовольствию, констатировал, что товарищ Чуйков, далекий от какого бы то ни было пессимизма, твердо уверен в нашей победе над врагом, в наших преимуществах перед ним. Это, естественно, радовало.

— Василий Иванович, я вызвал вас затем, чтобы предложить вам новую должность, — перешел я наконец к вопросу о состоявшемся назначении.

Как ни был сдержан товарищ Чуйков, он все же слегка встрепнулся. Мы пристально взглянули друг на друга.

— На должность командующего 62-й армией, — продолжал я. — Как вы на это смотрите?

— В этом отношении назначение, конечно, весьма ответственное, — спокойно ответил товарищ Чуйков, употребляя свое привычное выражение «в этом отношении».

— Положение в армии очень напряженное. Очень хорошо, что вы представляете, какая огромная ответственность ляжет на вас. Сумеете ли хорошо справиться с возлагаемой на вас работой?

— Думаю, что в этом отношении не подкачаю и при вашей помощи вполне справлюсь, — уверенно и с достоинством ответил товарищ Чуйков.

— Подчас высказывается соображение о том, что противник прижмет части армии к реке и сбросит в Волгу. Это — результат не совсем правильного понимания обстановки. Иногда забывают, что мы уже два месяца держим противника под Сталинградом, нанесли ему громадные потери, сильно подорвали его моральный дух. И хотя гитлеровцы в данный момент еще очень сильны и превосходят нас в силах и средствах, они все-таки обречены: с каждым новым днем противник все больше и больше выдыхается, а мы

крепнем; в конечном счете враг под Сталинградом будет разбит. Все идет к этому. Важно не только самому быть уверенным в нашей победе, но и прививать эту уверенность всем своим подчиненным от солдата до генерала. Хватит ли у вас мужества и твердости противостоять всем трудностям и помочь другим преодолеть их? Ответственность, Василий Иванович, действительно очень велика: на нас положился народ, а доверие народа нельзя обмануть; у нас не может быть и тени сомнения в успехе защиты Сталинграда.

— Будьте твердо уверены, Андрей Иванович: рука и сердце не дрогнут.

— Ну, хорошо, — сказал я, — вопрос о назначении уже решен. И. В. Сталин вчера утвердил наше представление о назначении командующего 62-й армией. Вот тебе моя рука, Василий Иванович, — незаметно для себя я перешел на «ты», — пусть скорее отпадут наши руки, чем сдадим мы Сталинград. Даже переступив через наши трупы, противник не должен занять город; и в том случае, если придется погибнуть, останутся другие, способные выполнить волю народа — во что бы то ни стало отстоять Сталинград. Думаю, Василий Иванович, что постановка вопроса ясна тебе.

— Совершенно ясна, твердо уверен в победе, — ответил Чуйков.

— Ну и замечательно! В этом самое главное. <...>

Затем мы прошли в землянку к товарищу Хрущеву. Никита Сергеевич разговаривал в это время по телефону с начальником политуправления одного из фронтов, давая указания по организации партийно-политической работы в тех войсках, которые готовили контрудары по прорвавшейся к Волге группировке противника. Тепло поздоровавшись с нами, Никита Сергеевич, считавший, что он еще недостаточно хорошо знает Чуйкова, начал разговор с общих вопросов, между прочим спросив, читал ли Василий Иванович недавно вышедшую пьесу Корнейчука «Фронт»³. Получив отрицательный ответ, он настоятельно порекомендовал командарму внимательно прочесть пьесу. «Очень стоящая вещь», — подчеркнул Никита Сергеевич. Далее член Военного совета осведомился о том, как идут дела в 64-й армии, и, получив односложный ответ — удовлетворительно, перевел разговор на вопросы, связанные с новым назначением Василия Ивановича.

— Командующий, по-видимому, уже сообщил вам о причине вызова в штаб фронта?

— Так точно, Андрей Иванович уже объявил мне об этом.

— Поздравляю вас, Василий Иванович, с этим почетным назначением и желаю больших успехов. Сейчас армией временно командует начальник штаба товарищ Н. И. Крылов, замечательный военачальник. Член Военного совета армии товарищ

Гуров — настоящий политработник высокой большевистской закалки. Вам вверяется героическая армия, хорошо показавшая себя на протяжении всех боев под Сталинградом. Но обстановка на участке армии сложна. Необходимо обеспечить четкую и слаженную работу штаба, командования и парторганизаций армии. Нужно пронизать все поры армейского организма настоящей большевистской боевитостью и партийностью. Добиться железной стойкости и упорства обороны, сделать ее действительно активной.

В конце разговора я еще раз подчеркнул громадную важность поддержания строгой организованности и порядка во всей обороне города, необходимость самого пристального внимания к делу разведки и связи и, главное, разнообразию методов борьбы, активизации всех звеньев обороны, использованию всех пороков вражеской тактики.

В конце беседы мы еще раз пожелали Василию Ивановичу успеха в работе и приказали немедленно вступить в командование армией. Крепко пожав руку Василию Ивановичу, Никита Сергеевич снова напомнил о том большом доверии, которое оказали ему партия и народ, поручив командовать войсками армии в Сталинграде.

— Все будет в порядке, — заверил нас товарищ Чуйков.

62-я армия к моменту принятия ее товарищем Чуйковым прошла уже значительный боевой путь и выдержала серьезные испытания. Нужно объективно сказать, что Никита Сергеевич был полностью прав, когда говорил, что новый командующий получил хорошую и закаленную в жарких боях армию.

Глава XIII. Зреет контрнаступление

Как-то в сентябре 1942 года, в конце одного из наших переговоров по ВЧ с И. В. Сталиным, я вернулся к вопросу, поднятому мной в Москве при моем назначении, к вопросу о подготовке контрнаступления. Переговоры, хотя и по ВЧ, велись, конечно, с соответствующими предосторожностями.

— Товарищ Сталин, — обратился я к Верховному Главнокомандующему, — не пора ли начать подготовку для «переселения», и на севере, и на юге условия для этого созревают.

— Хорошо, товарищ Еременко, — ответил И. В. Сталин, — подумаем над вопросом подготовки «переселения».

Из переговоров стало ясно, что и в Ставке также вынашивался план контрнаступления.

Новостью о состоявшихся переговорах с Верховным Главнокомандующим я сразу же поделился с Никитой Сергеевичем.

Вообще в ходе Сталинградской обороны, организуя различные, контрмероприятия, контрудары, контратаки, проводившиеся войсками обоих фронтов, как непосредственно оборонявшими Сталинград, так и действовавшими на флангах вражеской группировки, мы с Никитой Сергеевичем не раз обсуждали вопросы, связанные с предстоящими наступательными боями. И так как запрос о контрнаступлении для нас уже стал самым насущным и волнующим, то сейчас же завязывалась оживленная беседа. Мы пришли к единому выводу о том, что гитлеровские войска под Сталинградом находятся накануне серьезного кризиса. <...>

В первых числах октября из Генерального штаба прибыл генерал-полковник Василевский. Военному совету фронта он сообщил, что план наступательной операции принят Ставкой и что операция намечена на десятые числа ноября. Кроме этого, он довел до нашего сведения состав сил и средств, предназначенных фронту для контрнаступления. Мы обменялись мнениями по вопросам предстоящей операции.

Помню, что после обеда, во время которого Александр Михайлович поделился с нами московскими новостями, рассказал, что столица живет Сталинградом и уверенностью в скорой победе, мы с Никитой Сергеевичем еще раз обсудили детали намеченного нами решения. Около 8 часов вечера, поручив начальнику штаба генералу Варенникову заниматься текущими делами, я заперся у себя в землянке, чтобы окончательно отработать это решение и зафиксировать его на бумаге. Несмотря на то, что оно продумывалось нами уже давно и довольно всесторонне, мне пришлось потрудиться около 12 часов. <...>

По окончании этой работы мы снова встретились с Н. С. Хрущевым. Он подробно ознакомился со всеми наметками решения и после обсуждения деталей заключил:

— Решение хорошее. Оно безусловно сулит нам успех. Надо только со всей решительностью провести его теперь в жизнь. <...>

9 ноября к нам на фронт прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего товарищ Жуков с задачей проверить нашу готовность к контрнаступлению. На 10 ноября было назначено совещание командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. На совещании, состоявшемся в районе командного пункта 57-й армии, в одном из домиков поселка Татьяна, прижавшегося к Волге и скрытого углублением обрывистого берега поймы реки, присутствовали товарищи Хрущев, Жуков, я, мои заместители Захаров, Попов, командующий бронетанковыми войсками фронта Новиков, командующий артиллерией фронта Матвеев, командармы Толбухин, Труфанов, командиры механизированных корпусов

Вольский, Танасчишин, командир 4-го кавалерийского корпуса Шапкин, члены военных советов 51-й и 57-й армий Халезов и Мартыненко, начальники родов войск и служб фронта и командиры дивизий, входивших в ударные группы.

На совещании, которое проводилось Военным советом фронта, были заслушаны решения командующих армиями, командиров отдельных корпусов, некоторых командиров дивизий. Мы внесли ряд поправок в решения и утвердили их. Выступивший в заключение товарищ Жуков положительно отозвался о решениях и подготовке Сталинградского фронта, подчеркнув, что доложит в Ставке суть этих решений.

В конце совещания был отработан план взаимодействия фронтов, в особенности Сталинградского и Юго-Западного, которые наступали навстречу друг другу и должны были соединиться и замкнуть кольцо окружения.

В приподнятом настроении разъехались военачальники по своим войскам. Утром следующего дня товарищ Жуков отправился в Ставку Верховного Главнокомандования.

12 ноября командный пункт был перенесен из Красного Сада в Райгород; здесь, между прочим, с целью маскировки командный пункт был организован как ВПУ⁴; на нем находились оперативная группа, товарищ Хрущев и я.

Все последующие после совещания дни мы продолжали заниматься исключительно подготовкой частей и соединений, предназначенных для участия в наступлении на главном направлении. Лично я проверил тактическую подготовку большинства ударных батальонов, во многих из них провел занятия на местности. При проверке боевой подготовки обращалось внимание также на моральное состояние; в зависимости от обстановки собирал роты, батальоны, беседовал с солдатами; в механизированных корпусах и в 126-й стрелковой дивизии провел совещание со всем командным составом. В других частях подобную же работу с присущей ему энергией провел товарищ Н. С. Хрущев. За два дня до контрнаступления в 64, 57 и 51-й армиях, было проведено специальное совещание с командирами дивизий и полков, которые были подробно ознакомлены с предстоящими задачами. <...>

Глава XIV. 20 ноября 1942 года

<...> Рано утром 19 ноября ко мне зашел Никита Сергеевич, а вскоре собрались также генералы Попов (заместитель командующего), Варенников (начальник штаба), Хрюкин (командующий ВВС), Матвеев (начальник артиллерии), Новиков (начальник

АБТУ⁵). Мы наметили, где каждый из нас должен находиться в момент начала контрнаступления. Товарищи Хрущев и Попов направлялись в 51-ю армию, а я с начальниками артиллерии и автобронетанковых войск товарищами Матвеевым и Новиковым — в 57-ю армию. Меня сопровождал также офицер для поручений капитан Ф. В. Орлов. (...)

Утро 20 ноября. 6 часов. На востоке чуть заметно бледнеет небо. Приблизился рассвет. Земля окутана легким туманом. Почему-то приблизилось утро перед Торопецкой операцией 9 января 1942 года⁶. Между тем утром и нынешним, казалось, было что-то общее, вернее всего, это сходство определялось моим состоянием. Торопецкое наступление прошло успешно. Я был уверен, что Сталинградское пройдет еще лучше. В час этих раздумий ко мне зашел начальник штаба фронта товарищ Варенников. Улыбаясь, он спросил: «Ну, как настроение, товарищ командующий?» — «Прекрасное», — помню, ответил я. Затем начальник штаба коротко доложил о том, что армии готовы и ждут нашего сигнала. Его, как и меня, беспокоил туман. В это время раздался звонок ВЧ из Москвы:

— Ставка беспокоится, начнете ли вы вовремя? — запрашивал начальник оперативного управления Генерального штаба.

— Сейчас туман; если рассеется, начнем вовремя, все готово, — ответил я.

Мы надеялись начать в срок, в 8 часов, рассчитывая, что туман не будет слишком густым. Начальник штаба передал командармам, что сигнал начала артиллерийской подготовки будет дан в установленный срок.

В 7 часов утра мне позвонил Никита Сергеевич и с большой радостью, волнуясь, поздравил с днем наступления и пожелал успеха. Я взаимно поздравил его и пожелал также успеха. После этого мы выехали в гущу войск. <...>

Глава XV. Сжимаем кольцо окружения

Решающей в успехе контрнаступления была работа Коммунистической партии в массах. Эта работа обеспечила могучий политический подъем в войсках, высокий наступательный порыв советских воинов — участников незабываемых событий. Последние приготовления к контрнаступлению совпали с празднованием годовщины Октября, когда исполнилось четверть века пролетарской революции в нашей стране. Тысячи политработников неутомимо работали в войсках. Помню, с начала ноября и вплоть до наступления Никита Сергеевич перестал бывать на командном пункте: он все время проводил в соединениях и частях. Усилия

воинов направлялись на выполнение задач контрнаступления. Надо было проверить расстановку коммунистов и комсомольцев, на наиболее ответственные участки поставить проверенных в деле, стойких товарищей. В частях проводились митинги, с каждым солдатом в отдельности командиры и политработники вели беседы, чтобы подготовить бойцов к выполнению предстоящей задачи.

Характерной особенностью работы Никиты Сергеевича всегда была забота о людях, живая связь с ними. Он всюду признавал решающую роль за простым человеком, как за частицей народа, творящего историю. Стоит поучиться у него тому уважению, с которым он относился к любому солдату и командиру. Он быстро раскрывал характер человека, находил его главные достоинства. И люди открывали ему всю душу, все свои сокровенные думы.

Первые дни нашего контрнаступления. Погода стояла морозная, температура ниже минус 10 градусов, первый еще неглубокий снег покрыл поля. Никита Сергеевич тогда постоянно находился в войсках. Припоминаю, как он прибыл в район 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Наступление к ночи здесь несколько затихло. Один из полков дивизии сосредоточился в районе маленького хуторка с тем, чтобы привести себя в порядок и поужинать. Несколько полуразрушенных домов хуторка, конечно, не могли вместить всех. Вокруг домиков появились костры, где грелись и сушили обувь солдаты, как обычно делясь своими впечатлениями от минувшего дня тяжелых боев и маршей.

К одной из таких групп подошел Никита Сергеевич. Слушая разговор солдат, он понял, что хорошее боевое настроение их несколько нарушено. Вступив в беседу, он узнал, что полк сегодня получил только завтрак, а ужина не предвидится, сухой паек кончился. Видно, отстали тылы.

— Постараюсь помочь вам в этом деле, товарищи, — сказал Никита Сергеевич и сейчас же отправился искать дивизионное начальство. Ночью, в ходе ведущегося наступления, это дело, как известно, нелегкое, тем не менее Никита Сергеевич не уехал из этого района, пока не нашел командира дивизии и не убедился, что продовольствие будет еще до утра доставлено в полк.

Глава XVI. Разгром группировки Гота–Манштейна

<...> 22 декабря от представителя Ставки Верховного Главнокомандования товарища Василевского нам был доставлен план операции 2-й гвардейской армии, графически изображенный на карте <...>. Изучая план, я пришел к заключению, что он, к глубокому сожалению, не соответствовал оперативной обста-

новке момента и ни в какой степени не увязывался со временем, которое предоставлялось нам этой обстановкой.

За работой по изучению полученного плана предстоящих действий 2-й гвардейской армии меня застал Никита Сергеевич. Он только что вернулся из этой армии и зашел, чтобы поделиться своими впечатлениями о ней. Товарищ Хрущев успел ознакомиться с соединениями армии лишь очень бегло, но сделал вывод, что сосредоточение армии совершает организованно. Настроение у людей бодрое.

Так как в создавшихся условиях выбор времени и направления для удара по котельниковской группировке противника имел решающее значение, я не мог не поделиться с Никитой Сергеевичем возникшими у меня сомнениями. Вопрос стоял так: или мы разобьем котельниковскую группировку, или противник сумеет прорваться к окруженным войскам. Предлагавшийся контрудар по котельниковской группировке противника с охватом и обходом ее с востока нарушал весь ход операции по разгрому окруженных войск. Осуществление подобного плана не только не сулило нам успеха, но было чревато крайне нежелательными последствиями.

Никита Сергеевич, внимательно выслушав мои доводы и согласившись с ними, предложил немедленно выехать во 2-ю гвардейскую армию, чтобы доложить Александру Михайловичу наше несогласие с наметками указанного плана, обсудить на месте наши соображения. Было решено просить товарища Василевского прибыть на командный пункт 2-й гвардейской армии.

Понятно, что возражать против решения старшего начальника (товарищ Василевский был тогда начальником Генерального штаба и официальным представителем Ставки) можно было лишь имея очень существенные основания. Но такие основания у нас были.

Через 30 минут мы были уже в пути. В чем же, однако, состояла разница между нашим замыслом и предложением товарища Василевского?

По плану, полученному нами, 2-я гвардейская армия должна была нанести свой главный удар в направлении Абганерово, Аксай, Дарганов и далее на Котельниково <...>. Такое направление удара вело к сложной перегруппировке войск, которую мы должны были произвести перед фронтом противника. По существу это была рокировка войск, на которую потребовалось бы немало времени; помимо того, она обнажала наш правый фланг. Так, при реализации этого замысла 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпус, а также один стрелковый корпус должны были вначале передвинуться к востоку до линии железной дороги в районе Абганерово, а затем направиться к югу на Шелестов, Аксай, Перегрузный и далее на Дарганов и лишь после этого

повернуть на запад — на Котельниково. В соответствии с таким планом механизированные части при своем передвижении должны были описать дугу, чтобы выйти к слабому правому флангу противника, на котором были румынские части (полагаю, что не всегда возможно руководствоваться только этим принципом; важно суметь поставить свои войска в наивыгоднейшие условия по отношению к противнику). При этом оставлялось выгодное направление для удара тоже по уязвимому и притом близкому левому флангу противника. Я уже не говорю о том, что в значительной степени нарушалась почти сосредоточенная группировка, нацеленная для удара с рубежа Черноморов, Громославка в общем направлении на Котельниково.

Для перегруппировки войск 2-й гвардейской армии в этих условиях потребовалось бы дополнительно минимум двое-трое суток, т. е. мы смогли бы осуществить удар не ранее 27, а возможно и 28 декабря. Но, как знать, может быть, этого времени и было бы достаточно противнику, чтобы подтянуть резервы, привести в порядок свои войска, сделать еще один нажим и соединиться с войсками 6-й армии. Ведь до нее оставалось не более 25–30 километров.

Обстановка, таким образом, требовала от нас немедленных контрмероприятий, чтобы ни в коем случае не дать противнику отдыха после продолжительных и ожесточенных боев.

Недостатки предложенного нам плана заключались не только в этом. Марш трех корпусов (стрелкового, танкового и механизированного) в указанном направлении протекал бы в очень трудных условиях: местность, по которой проходил путь рокируемых частей, характеризовалась сильно пересеченным рельефом; на ней имелось колоссальное количество оврагов, глубоких балок, в ту пору занесенных снегом; двигаться можно было лишь по дорогам, весьма малочисленным. Корпуса оказались бы в крайне тяжелом положении в отношении снабжения их горючим, которое мы для них получали тогда через Донской фронт, из района Качалино.

Все это могло задержать корпуса в пути, что вынудило бы стрелковые соединения наносить удар без поддержки танков и мотопехоты. Такая операция не могла не захлебнуться и не получила бы необходимого развития. Кроме того, рокировка 2-й гвардейской армии влево привела бы к перемешиванию войск 2-й гвардейской и 51-й армий, что стеснило бы действия войск этой последней. Выдвинутые в предложенный район корпуса 2-й гвардейской армии не смогли бы в дальнейшем принять участие в ударе на правом берегу Дона.

Здесь следует сделать еще одно замечание о предполагаемых действиях 2-й гвардейской армии. Как только командованию и штабу Сталинградского фронта стало известно о том, что 2-я гвардейская армия будет передана в состав фронта, началась работа по планированию ее действий. К описываемому моменту эта работа подходила к концу и, по сути дела, уже вылилась в определенный план разгрома группировки Гота силами гвардейцев в тесном взаимодействии с войсками 51-й армии при скрупулезном учете реальной обстановки. Поэтому весьма странным выглядело полученное нами решение, в котором совершенно не были учтены эти наши наметки.

Все эти соображения были мной изложены товарищу Василевскому в присутствии Никиты Сергеевича по прибытии в район сосредоточения 2-й гвардейской армии. Следует отметить, что товарищ Василевский воспринял критику, как подобает коммунисту, и тут же попросил меня изложить свои предложения. Я кратко сообщил суть нашего замысла. План предусматривал немедленное нанесение главного удара в направлении вдоль Дона на Котельниково. Такой удар приходился частично по левому флангу противника и мог быть осуществлен (силами четырех корпусов) в короткие сроки и не требовал проведения какого-либо маневра и перегруппировки сил и средств. Меня горячо поддержал Никита Сергеевич.

— Ну, хорошо, — сказал товарищ Василевский, выслушав нас, — вы командующий фронтом, вы и решайте, как находите нужным. Поддержка этого замысла Н. С. Хрущевым сыграла решающую роль в его принятии. Оценив оперативную обстановку, товарищ Хрущев быстро и точно определил наиболее верное, соответствующее данному моменту и сложившимся условиям решение и защитил его с партийной принципиальностью и прямоотой. Так зачастую Никита Сергеевич решительно и бесповоротно отбрасывал все, что не помогало делу, и поддерживал то, что содействовало быстрому движению к цели. <...>

Глава XVII. Ликвидация сталинградской группировки гитлеровцев

<...>...Длившаяся более полугода Сталинградская битва завершилась полным и окончательным разгромом тех, кто, выполняя волю Гитлера и его хозяев, с таким упорством стремился овладеть городом. <...>

Здесь я не могу не рассказать об одном памятном эпизоде, глубоко тронувшем меня. Военный совет Южного, бывшего Сталинград-

ского, фронта⁷ был приглашен на эти дни в Сталинград. Я, к глубокому сожалению, по состоянию здоровья поехать туда не смог.

В Сталинграде на многолюдном митинге Никита Сергеевич от имени командования фронта горячо поздравил сталинградцев — военных и гражданских — с большой исторической победой.

Вечером же за скромным ужином, который устроили городские власти, генерал Шумилов — командующий 64-й армией, части которой пленили фельдмаршала Паулюса и его штаб, передал личное оружие командующего 6-й германской армией Никите Сергеевичу, сопроводив эту передачу такими словами:

— Оружие побежденного фельдмаршала должно находиться у командования Сталинградского фронта, вынесшего на своих плечах всю тяжесть обороны и принявшего самое активное участие в контрнаступлении под Сталинградом.

Возвратясь на командный пункт фронта, Никита Сергеевич пришел ко мне. Измученный непрекращавшимися болями в ноге, я лежал. Товарищ Хрущев подробно рассказал мне о своих впечатлениях от поездки. Закончив свой рассказ, он передал мне небольшой вороненый револьвер:

— Это личное оружие генерал-фельдмаршала Паулюса. Командование 64-й армии передало его нам, как командованию бывшего Сталинградского фронта. Считаю, что это оружие по праву принадлежит тебе, Андрей Иванович.

На мое возражение, что оружие принадлежит нам обоим, Никита Сергеевич безапелляционно заявил:

— Бери, оружие принадлежит тебе — командующему Сталинградским фронтом. С благодарностью я принял пистолет как память о незабываемых днях великой битвы. <...>

Послесловие

<...> Еще к концу декабря 1942 года, когда заканчивался разгром группировки Манштейна, мое здоровье резко ухудшилось.

Читатель, наверное, помнит, что прибыл я в Сталинград с незажившими еще ранами, пообещав лечившему меня профессору Когану строго соблюдать предписанный мне режим. Едва ли стоит говорить, что никакой режим в условиях Сталинграда соблюдать было невозможно. Раны на ноге не только не зажили за это время, но еще больше разболелись. К началу февраля, продержавшись на ногах более шести месяцев, я окончательно вышел из строя. Требовалось немедленное стационарное лечение. Было очень досадно оставлять командование перед взятием Ростова, когда завязались бои на его ближних подступах.

Ставка Верховного Главнокомандования, и прежде всего И. В. Сталин, не знали о состоянии моего здоровья, так как я всячески стремился скрыть это не только от Ставки, но и от близких мне по службе генералов и офицеров. Люди, правда, видели, что я прихрамывал и ходил, опираясь на палку, но всем своим поведением, и прежде всего подвижностью, я всегда давал понять, что мое ранение ни в коей мере не затрудняет исполнение мною служебных обязанностей. Теперь же я вынужден был доложить Ставке все, что называется, начистоту, так как чувствовал, что мое состояние может в какой-то степени сказаться на успешности управления войсками. И. В. Сталин сказал мне тогда, что считает смену командующих в весьма напряженный момент операции делом нежелательным. И я, наверное, вынужден был бы остаться, если бы как-то в конце января на командном пункте фронта в Большой Мартыновке Никита Сергеевич не оказался случайно свидетелем одной из процедур, которым меня в последнее время подвергали врачи. До этого Никита Сергеевич тоже не все знал о моем состоянии.

В последующие дни он летал в Москву. Будучи на приеме у И. В. Сталина, он доложил ему о моем состоянии. В результате этого было получено распоряжение Ставки о моей отправке на лечение в Цхалтубо. Помню, по возвращении из Москвы Никита Сергеевич говорил мне: «Поедешь, подлечишься, нечего оставаться до завершения Ростовской операции, впереди еще много дел, нашей армии не один Ростов у немцев брать нужно, останется еще множество городов и у нас в России, и в Польше, и в Чехословакии, и в самой Германии. Здоровье вернешь — принесешь больше пользы».

Простились мы очень тепло: расцеловались и крепко обнялись. Никита Сергеевич проводил меня. Машина тронулась. Незаметно для окружающих я смахнул слезу. Трудно было расставаться с войсками, с фронтовыми товарищами, с которыми довелось пережить столько тяжелых невзгод, а затем радость победы, первой полной победы над врагом за эту войну. Особенно тяжело было расставаться с Никитой Сергеевичем. Работая с ним рука об руку в течение шести месяцев, мы стали настоящими боевыми друзьями. Дружба эта закалилась в дни тяжелых боевых буден Сталинградской битвы, события, которое едва ли можно пережить дважды в жизни.

Нельзя забыть никогда этого поистине исторического полугодия.

Никита Сергеевич постоянно справлялся о моем здоровье, когда я находился на излечении. Одна из его телеграмм сохранилась у меня, приведу ее здесь.

«Генштаб РККА

Генерал-полковнику Антонову

12.4.43 г.

Посылаю через Вас письмо генерал-полковнику т. Еременко А. И. Адрес тов. Еременко я не знаю, а поэтому убедительно прошу Вас переслать это письмо тов. Еременко.

Н. Хрущев».

Вот это короткое, но теплое письмо:

«Дорогой Андрей Иванович! Хотелось бы узнать, каково состояние Вашего здоровья, как протекает лечение? Каково Ваше самочувствие? Писать мне можно на "долину".

Желаю Вам быстрого выздоровления и как старому солдату скорого возвращения в строй.

До свидания.

Н. Хрущев». <...>

